

ГРАФИКА, ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ МАНДЕН В ТРУДАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НКО

Оригинальное письмо нко было изобретено в 1949 г. гвинейцем Сулейманом Канте. Он же является создателем литературного языка манинка и основателем самобытной традиции изучения языков манден, которую по аналогии с названием письма можно назвать «школой нко». Значительная часть лингвистического наследия Сулеймана Канте, к сожалению, до сих пор не опубликована. Основным источником, по которому мы можем судить о представлениях гвинейского ученого о его родном языке, является трехтомная «Грамматика нко» [Kánte 1998], сочинение скорее дидактического, нежели чисто научного характера¹.

Вопросам фонетики и фонологии в «Грамматике» отведено крайне мало места. Чаще всего они поднимаются тогда, когда автору было необходимо с их помощью объяснить какие-либо грамматические противопоставления. Однако ясно, что, создавая письменность для своего родного языка, Сулейман Канте не мог избежать анализа его фонологического строя. Результаты этого анализа изложены в первую очередь в его книге «Практический метод письма нко», изданной на французском языке [Kanté 1961], а также в ряде букварей нко, принадлежащих как перу Канте, так и его последователей (см., например: [Jàané 1998, Jàané 2007]). Таким образом, школа нко описывает фонологию почти исключительно в связи с графикой и орфографией.

Алфавит нко состоит из семи гласных (*sìiralán*, в терминологии нко) и восемнадцати согласных (*sìiratá*) букв, представленных в следующей таблице:

¹ См. более подробно об этой книге в: [Давыдов 2008].

A	E	I	X	U	O	Q
a	e	i	ε	u	o	ɔ

B	P	T	J	Ɔ	D	R	S	G
ba	pa	ta	ja	ca	da	ra	sa	gba
F	K	L	M	V	N	H	W	Y
fa	ka	la	ma	va	na	ha	wa	ya

Пишут на нко справа налево, на письме буквы связываются между собой нижней чертой. В отличие от арабского письма, откуда Сулейман Канте заимствовал начертания многих букв², гласные в письме нко обозначаются наравне с согласными. Порядок следования букв повторяет в основном арабский алфавит. Названия всех согласных образованы прибавлением к фонеме, которую они обозначают, гласного /a/.

Действует следующее правило, которое называется в традиции нко *gbárali* (стяжение): если два соседних слога одного слова имеют одну и ту же краткую неназализованную гласную с ровным тоном, то пишется только вторая из них: *ɔl b bólo* ‘рука’, *ʁɔf fúdu* ‘жениться’. В случае же, если первая имеет высокий тон, а вторая низкий, то пишутся обе гласные: *ɔsɛm mɔsɔ* ‘женщина’. Для языка манинка такое орфографическое решение можно признать удобным: оно не затрудняет чтения и позволяет значительно сократить письменный текст. То же самое можно сказать и про язык бамана. Но если учесть, что письмо нко претендует на охват всех без исключения языков манден, то тогда правило *gbárali* оказывается уже не столь удачным. Так, в большинстве диалектов манден Кот-д’Ивуара происходит редукция первой гласной в двусложных словах со структурой CVCV, где второй согласный компонент относится к особому подклассу, включающему обычно некоторые сонанты и фрикативные. Например, слову *bára* ‘калебаса’ языка манинка в диалекте каранджан (данные по нему приводятся по моим полевым записям) соответствует *brá*. Далее, фонологический признак долготы гласной, имеющийся в манинка и большинстве других языков манден, в каранджан отсутствует, ср. слова манинка *báara*

² О происхождении букв алфавита нко см.: [Vydrine 2001].

‘работа’ и карандаж *bára*. Орфография нко, таким образом, оказывается неспособна передать оппозицию *brá* : *bára* диалекта карандажан. В случае необходимости затранскрибировать иностранное слово в текстах на нко прибегают к помощи апострофа: *it'rap*, франц. *partie* ‘партия’ (без апострофа читалось бы *páriti*). Понятно, что для диалектов манден Кот-д’Ивуара, если на них начнут создаваться письменные тексты на нко, подобное решение проблемы будет не слишком удобным.

Кроме перечисленных выше букв, используется также буква Z , передающая гласный нулевой степени раскрытия /N/. В терминологии нко она именуется «промежуточной» (*tédz*). Ее место в алфавите, по видимому, до конца не устоялось: в одном из имеющихся в моем распоряжении изданий толкового словаря нко она помещена в конец алфавита, в другом — между гласными и согласными.

Буква \ (*ná wóloso*, буквально «на подчиненное») обозначает фонему /l/, подвергшуюся чередованию с /n/ после носового гласного (ср., например: *à lá* ‘у него’ и *àn ná* ‘у нас’).

Наконец, буква @ графически представляет собой две буквы R, написанные слитно. Она обозначает долгую фонему /r:/, которая встречается только в идеофонах³.

Вообще, можно сказать, что графика нко очень фонологична и близка к идеальной в том смысле, что между фонемами и графемами имеется почти полное соответствие: каждая графема передает только одну фонему, а каждая фонема передается одной графемой (исключение здесь составляет только буква \). Понятно, что в такой ситуации внедрение в графику какой-либо графемы оказывается аналогично выделению соответствующей фонемы на фонологическом уровне. Таким образом, графемы Сулеймана Канте можно практически приравнять к фонемам, хотя процедуры формального анализа, которые привели к их выделению, скрыты от глаз исследователя. Впрочем, более

³ Для идеофонической лексики языков манден вообще характерен особый фонемный и тонемный состав: слова этого класса могут содержать фонемы, не встречающиеся в прочих словах языка (например, гортанную смычку, фрикативную /ç/ и уже упомянутую долгую /r:/), и произносятся со сверхвысоким тоном. Таким образом, наличие идеофонов расширяет тональную систему манинка, состоящую в своей основе из двух тонов, высокого и восходящего, на еще один элемент.

справедливо было бы предположить, что Канте вычленил фонемы не формальным путем, а опираясь на собственную интуицию носителя языка. При этом стоит отметить, что Канте интуитивно выделил те же фонемы, которые в [Gregoire 1986] выделяются формальным путем.

Назализация гласных в письме нко обозначается при помощи точки под буквой, называемой *kánnadiyalan* (буквально «то, что делает речь красивой»): A [an], I [in], U [un] и т.д.

Тон и долгота гласного обозначается при помощи ряда диакритических знаков, помещаемых над буквой. Ниже они приведены на примере гласной /a/:

Краткие гласные	Долгие гласные	Термин Канте		
A	á`	A`	áa`	<i>kánmayele máfanen</i>
A-	à	A-	àa	<i>kánmajii lábaranen</i>
A/	á	A/	áa	<i>kánmayele lábaranen</i>
A	ǎ	A	ǎa	<i>kánmajii máfanen</i>

Как видно из таблицы, тон и долгота на письме обозначаются кумулятивно. Ибраима Конде отмечает, что в отличие от европейской традиции традиция нко рассматривает эти характеристики гласных как явления одного порядка [Condé 2008: 40]. Это замечание представляется спорным, поскольку, несмотря на кумулятивное обозначение долготы и тона на письме, лингвистическая теория нко различает эти две характеристики гласных, и для каждой из них существует свой термин: *kánmasere* ‘тон’ и *kánmayeleman* ‘долгота’. С другой стороны, для названных представлений мандингофонов об их собственном языке, по видимому, характерно неразделение этих понятий. Так, например, в предисловии к одному из ранних словарей бамана, составленном малийцем Мусой Травеле, тон и долгота объединяются под общим термином «тоновый акцент» (accent tonique) [Travelé 1913: 15].

Сулейман Канте выделяет в манинка два базовых фонологических тона (*kánmasere*): высокий (*kánmayele*) и низкий (*kánmajii*). Каждый из двух базовых тонов, согласно Канте, может быть падающим (*kánmafānen* или *kàkódó*) или ровным (*kánnabàranén/lábaranen*). Первое соотносится с понятием «тоновый артикль» в европейской традиции изучения языков манден. Под тоновым артиклем понимают плаваю-

щий низкий тон в постпозиции к слову. В изолированно произнесенном слове он реализуется как понижение последней гласной, во фразе понижает тоны последующих слов. Если проводить параллель с европейской традицией, то термин Канте *kánmafafen* означает гласную с тоновым артиклем (*á*), а *kánnabàranén* – гласную без него (*á*).

Как известно, во многих научных традициях, например в греческой и арабской, между теорией языка и теорией музыки существовала тесная взаимосвязь (см., например: [Звегинцев 1958, 27–28]). Разумно было бы предположить, что и в случае лингвистической традиции нко влияние теории музыки на теорию языка могло иметь место, тем более что музыкальная теория у народов манден весьма развита, хотя и существует лишь в устной форме. Однако, сравнивая терминологию Сулеймана Канте с музыкальной терминологией гриотов (певцов-сказателей) манден, отмечаем, что Сулейман Канте пользуется терминами «высокий» и «низкий» так, как это принято в европейской лингвистической и музыкальной традиции, в то время как в терминологии гриотов манинка термин *dùuma* ‘низкий’ обозначает высокий тон, а термины *sánfè*, *sánmà* ‘высокий’ обозначает низкий тон [Charpy 2000: 325–326]. Влияния музыковедческой традиции, как видно, не наблюдается даже в сфере базовой терминологии. Связано это, по-видимому, со следующим: в традиционном обществе манинка музыкой занималась почти исключительно кастовая группа гриотов. Не принадлежа к этой группе, Канте скорее всего и не был знаком с ее терминологией.

Помимо выделения базовых тонов, в «Большой грамматике» нко [Kántè 1998: 8] Канте предпринимает попытку выделить еще и тональные классы слов. Он выделяет так называемую «высокую речь» (*sánma kúma*) и «низкую речь» (*dùuma kúma*) и, как следствие, высокие имена (*sánma tɔɔ*) и низкие имена (*dùuma tɔɔ*). В первый класс он включает односложные имена с высоким тоном (примеры, приводимые Канте: *bón* ‘дом’, *sán* ‘небо’, *bín* ‘трава’, *tɔɔ* ‘имя’, *jéé* ‘рыба’) и многосложные слова, тон первого слога которых высокий (*bíyan* ‘животное’, *sígbǎ* ‘птица (вид)’, *sérebũ* ‘штаны’, *bála* ‘ксилофон’), причем тон последующих слогов для Канте значения не имеет. Во второй класс включаются односложники с восходящим тоном (*kún* ‘голова’, *bɔɔ* ‘глина’, *nún* ‘кузнец’, *mɔɔ* ‘человек’, *sán* ‘год’) и многосложники, тон первого слога которых низкий или восходящий (*màló* ‘рис’, *tèlèbǎn* ‘муха (вид)’, *dūdū* ‘насекомое (вид)’, *sèèlén* ‘ястреб’, *kɔ̀b̀lén* ‘растение (вид)’).

Тон последующих слогов также игнорируется. Следует сказать, что подавляющее большинство одноморфемных слов языка манинка односложны либо двусложны. При этом большая часть из них вписывается в так называемые «стандартные тоновые схемы». Для односложных слов это высокий тон и восходящий тон. У двусложников основных схем две: высокий + высокий и низкий + высокий. Прочие слова в европейской традиции принято выделять в группу с нестандартной тоновой схемой. Как видно из примеров, причисляя слово к тому или иному из двух выделяемых им тональных классов, Канте принимает во внимание лишь начальный тон слова. И. Конде (в частной переписке) отмечает, что в более обстоятельных фонологических трудах Сулеймана Канте этот недостаток устранен и, более того, слова с нестандартными тоновыми схемами подробно анализируются. К сожалению, эти труды до сих пор остаются неопубликованными.

Канте выделяет два способа соединения имен между собой: «несопряженное состояние» (*lākafol*) и «сопряженное состояние» (*cénkannin*). Он приводит такие примеры: *silamā` mōsō`* ‘жена мусульманина’ (несопряженное состояние) и *silama mōso`* ‘женщина мусульманка’ (сопряженное состояние). Речь идет, следовательно, об именных синтагмах двух типов, посессивной и определительной. В первом случае каждый из членов именной синтагмы сохраняет свой лексический тон и оформлен собственным тоновым артиклем (если пользоваться европейской терминологией). Во втором случае тон первого компонента распространяется на всю синтагму, оформленную единым артиклем, при этом перелом тонового контура происходит на границе морфем. Опираясь на понятия «высокая речь» и «низкая речь», Канте точно описывает эти особенности тоновой комбинаторики.

Несмотря на то что понятия «высокая речь» и «низкая речь», введенные Канте, стоит признать не слишком точными, его первенство в описании тональной структуры языка манинка не подлежит сомнению. Конечно, представление о том, что языки манден тональны, к моменту изобретения письма нко у европейских исследователей уже было. Первое описание тональной системы манинка было опубликовано У. Уэлмерсом в 1949 г. [Welmers 1949], т.е. одновременно с изобретением письма нко. Однако по-настоящему подробные тонологические описания и первые словари, фиксирующие тоны, появились лишь десятилетия спустя. Лингвистические труды Сулеймана Канте могли бы ока-

зять большое влияние на европейскую традицию изучения языков манден, будь они в свое время более известны и доступны и не будь они написаны на африканском языке.

Литература

Давыдов А.В. О «Грамматике нко» Сулеймана Канте // Петербургская африканистика: Сборник памяти А.А. Жукова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 204–213.

Звегинцев В.А. История арабского языкознания: Краткий очерк. М.: МГУ, 1958.

Charry, Eric. Mande Music: Traditional and Modern Music of the Maninka and Mandinka of Western Africa. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2000.

Condé, Ibrahima Sory 2. Soulemana Kanté entre linguistique et grammaire: Le cas de la langue littéraire utilisée dans les textes en N'ko // Mande Languages and Linguistics: 2nd International Conference. Abstracts and Papers, St. Petersburg, 2008. P. 35–52.

Gregoire, Claire. Le maninka de Kankan. Eléments de description phonologique. Tervuren, 1986.

Jàané, Bàbá Màmádí. Mântayá lánðoyanéñ`. Mísìran, 2007. [Джане, Баба Мамади. Облегчённая орфография. Каир, 2007.]

Jàané, Kàнку Bintu Bàbá. Kánmasere` lù málon jóna`. Kónakiri, 1998. [Джане, Канку Бинту Баба. Быстрое изучение тонов. Конакри, 1998.]

Kanté, Souleymane. Méthode pratique d'écriture N'Ko. Kankan, 1961 (по репринтному изданию 1995 г.).

Kánte, Sùlemáana. Nkó kángbe kùnbabá. Kánkàn, 1998. [Канте, Сулейман. Большая грамматика нко. Канкан, 1998.]

Travéle, Moussa. Petit dictionnaire français-bambara et bambara-français. Paris: Librairie Paul Geunther, 1913.

Ydrine, Valentin. Souleymane Kanté, un philosophe-innovateur traditionnaliste maninka vu à travers ses écrits en nko. Mande Studies. 2001. N 3. P. 99–131.

Welmers, William. Tonemes and Tone Writing in Maninka // Studies in Linguistics. 1949. Vol. 7. N 1.